

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Куда бежит Эсти? Психоаналитическая рефлексия о мини-сериале «Неортодоксальная»

С.В. Белухина

Светлана Васильевна Белухина – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт (ЕСРР), организационный консультант, сертифицированный член АПКБК. Автор <http://headology.ru>; со-автор <http://cultcompany.ru>

Статья представляет собой художественно-психоаналитическое исследование мини-сериала Unortodox / «Неортодоксальная», вышедшего на Netflix в марте 2020 года. Это история молодой женщины, воспитывавшейся в традициях нью-йоркской хасидской ортодоксальной общины и сбежавшей оттуда в поисках самовыражения. Сюжет рассматривается в контексте событий сегодняшнего дня, а именно самоизоляции, в которой находятся люди всего мира для того, чтобы выжить в условиях угрозы COVID-19. Они повсеместно сталкиваются с ритуальностью как способом совладания с тревогами, связанными с угрозой жизни и исчезновения.

Статья имеет обзорный характер, обозначает направления, которые можно дополнять и дорабатывать с целью расширения возможностей развития мышления и подвижности психики участников психоаналитического процесса.

Ключевые слова: обсессивно-компульсивное поведение, ритуалы, герметичные сообщества, ортодоксальность, геноцид евреев, страх аннигиляции, слияние, психическое убежище, сексуальное использование, атака на связи, женский Эдипов комплекс, сфинкс, творчество, холдинг, мышление, символический родитель, ранние коммуникации, родительская пара, речевая игра, речь, слово, пение, бионианская теория развития мышления.

Введение. Действие происходит где-то и нигде

В период самоизоляции COVID-19 цивилизованный человек в один момент потерял свои привычные свободы и переместился за некую черту, на территорию уж слишком хорошо знакомую каждому с детства – в царство ограничений и запретов.

Политические, профессиональные и светские сообщества схлопнулись до размеров небольших общин, определяемых теперь вместимостью зоом-конференций или проводимостью интернет-каналов.

В плену карантинных ритуалов не до импульса к знанию, даже простое любопытство тут не приветствуется, потому что любопытной варваре... маска не поможет. Вот мы и соблюдаем правила, сидим по домам, часто моем руки, носим индивидуальные средства защиты, хотя толком не понимаем, действительно ли все это помогает от вируса...

Эсти, героиня нового мини-сериала «Неортодоксальная», тоже многого не понимает в тех бесчисленных ритуалах и практиках, которым подчинена ее жизнь в общине сатмарских ультраортодоксальных хасидов в Нью-Йорке.

Это община выживших и до сих пор выживающих евреев, непроницаемая для внешнего мира. Сатмарские хасиды, сплотившиеся в районе Уильямсбург, – малый этнос, подвергавшийся истреблению в холокост, как и другие евреи по всему миру. Особенностью именно этой группы является их культурная самоизоляция, которая служит в том числе «программированию» молодых пар на то, чтобы заводить как можно больше детей.

Когда-то предполагалось, что это поможет им восполнить утраченное, переработать травму исчезновения этноса, возродиться и на психическом уровне справиться со страхом аннигиляции. Но сегодня этот феномен



можно рассматривать уже как своеобразную психологическую защиту, где ритуалы служат не для эмоциональной переработки, а ведутся с целью компульсивной разрядки тревог через действия (Фрейд, 1920, 1921; Кернберг, 2014).

Не только Эсти находится в неведении относительно значения огромного количества разнообразных ритуалов Уильямсбурга, зрителю тоже многого не объясняют. Например, не ясно, зачем мебель в домах покрыта пластиковой пленкой, какая роль у фольги на кухне в праздник, почему женщины сбрасывают волосы на голове, а потом носят чужие в виде парика... и многое-многое другое. Мы можем погуглить и найдем некоторые объяснения этим культурным особенностям, но Эсти не может, у нее нет даже телефона. В общине запрещена не только связь – не позволено все новое. Главная задача – сохранить старое.

Пиф-паф, ой-ой-ой, убегает зайчик мой

В рецензиях на сериал часто говорится, что это история побега. И действительно, Эсти, забеременев, наконец, после бесчисленных ритуальных и болезненных попыток зачать (у нее вагинизм), бежит из общины. Отправляется она не куда-нибудь, а в Берлин.

Сегодня этот город – центр свободы, творчества и созидания. Но когда-то он был другим, другой общиной, в которой быть не арийцем означало гибель. Теперь здесь собираются раскрепощенные, созидательные, чувственные и чувствующие люди со всего мира.

Наша героиня встречается в Берлине группу музыкантов, которые принимают ее в свою компанию. Она совершает омовение в озере, где когда-то гибли евреи, и принимает правила нового мира и новой игры.



В Берлин когда-то давным-давно уехала и мать Эсти, и до войны где-то здесь жили их предки. Поэтому, кажется, Берлин действительно то место, где героиня лицом к лицу встретится с трагедией народов, своего и того, который когда-то был так жесток, а также со своей давней болью – обидой на мать за то, что та бросила ее в младенчестве.

Встреча с матерью происходит не сразу. Эсти выжидает. Ее новые друзья-музыканты знакомят ее с Берлином, рассказывают о свободе выбирать, как жить и любить, объясняют, насколько просторно можно себя чувствовать в пределах нотного стана, оркестра или студенческой общины, помогают подготовиться к прослушиванию в консерватории.

Если она его пройдет, то сможет заниматься музыкой, о чем всегда мечтала, но что женщинам Уильямсбурга делать было запрещено, поскольку ничто не должно отвлекать их от роли жены и матери...

Вероятно, оттого что надежда на женщину в хасидской общине возложена колоссальная, женская суть и понимается там так узко. От подобной узости мышления, от ужасного использования женщины в целях сохранения этноса и бежит Эсти. «Я не машина для рождения детей», – заявляет она.

Но вдруг побег Эсти – это не только уклонение от отведенной ей священной роли женщины, вдруг это начало «путешествия» к себе настоящей? Пусть оно как путешествие еще и не может быть осмыслено ни ею, ни теми, кто отправляется за ней в погоню, – мужем Янки и его другом Мойше. Того путешествия, которое ответит на вопрос, чего хочет Эсти? Хочет ли она замуж, ребенка, спасти свою нацию или же она хочет (и имеет право) обрести голос? Жаждет ли она слияния, фалличности, звучности или же хочет, чтобы в ее психическом мире кроме ортодоксальной удушающей общины появилось что-то еще? Например, живая теплая мать, которая бы спела такие нужные ей колыбельные... Научила бы носить платья. А также чтобы рядом был достаточно хороший родитель, по Винникотту, – теплый и креативный Берлин для них обеих...

Удивительно (а кто-то скажет – предсказуемо), что любящая мать обнаруживается именно в Берлине. И это не только родная мать-лесбиянка,



уже восполнившая свою потребность в материнской любви в отношениях с женщиной-немкой, но и мать – консерватория, и мать – студенческая община.

Со своей родной матерью Эсти встречается в тот драматический момент, когда Мойше оставляет пистолет, которым ей угрожал, на детской площадке и уходит со словами: «ты вернешься [в общину], я же вернулся». Тогда напуганная Эсти бежит сломя голову к матери и находит у нее приют. Она узнает, что мать не по своей воле бросила ее, а давным-давно проиграла общине в суде дело об опекуновстве.

Поэтому далекий и близкий Берлин сейчас может стать такой важной остановкой для Эсти. Здесь она попытается найти свой оркестр и собственные музыкальные инструменты, чтобы сыграть или спеть печальную песню своего народа и личной трагедии.

Интересно, что первый сценарий сериала назывался как раз *The Orchestra* / «Оркестр». Это позволяет нам вспомнить Винникотта, который сравнивал холдинг младенца с «ансамблем» внимания, которым ребенок окружен с самого рождения (Винникотт, 1998).

Такой холдинг – условие того, что перед тем, как во внутреннем мире Эсти родится та, кто может дать впоследствии жизнь новому человеческому существу, произойдет все необходимое, что позволит по-настоящему родиться ей самой. Психически.

До того как будет рожден символический родитель, способный вместить и переработать огромную психологическую травму целого этноса, должен родиться человек, который отважится совершить обязательный экзистенциальный поход с целью ответить на вопрос всегда присутствующей в душе Сфинкс: «Кто ты такой/такая?»

Очевидно, что ни один человек не сможет сделать это в одиночку. Нужен другой, нужны друзья, попутчики – дети всего мира, теперь понимающие и разделяющие огромную трагедию XX века и осознающие, насколько ортодоксальными и ригидными все мы порой можем быть в те или иные периоды жизни или в те или иные моменты развития человеческой цивилизации (Боллас, 1993).

В начале было Слово, и слово это было правильное...

Греческое слово «ортодоксия» состоит из двух корней, которые можно перевести как «правильно полагать» или «иметь правильное мнение». По этой причине ортодоксами называют преимущественно религиозных людей, которые следуют консервативному типу мышления: не приемлют новаторства, изменений, не предпринимают попыток эту жизнь переосмыслить, довольствуются «однажды сказанным словом», однажды принятыми подходами, хотя эти подходы уже могут и не отвечать вызовам усложнившейся современности.

Героиня фильма выросла в таком сообществе, и, конечно, все это и есть она. Но она, дитя этой культуры, является еще и кем-то другим.

Когда мы смотрим на эту крошечную девочку с большой головой, огромными глазами, субтильным телосложением и узким тазом, мы не

ошибемся – к замужеству и той роли, которую ей отвела община, она пока не готова. Так изображают изумительных эльфов и персонажей японского аниме. С первых кадров Эсти разговаривает с нами своей неординарной наружностью, а вовсе не с помощью слов. И становится любопытно, почему же на эту роль выбрали актрису с такой необычной внешностью? На каком языке хочет говорить с нами режиссер? Это уже его Слово или еще что-то довербальное?

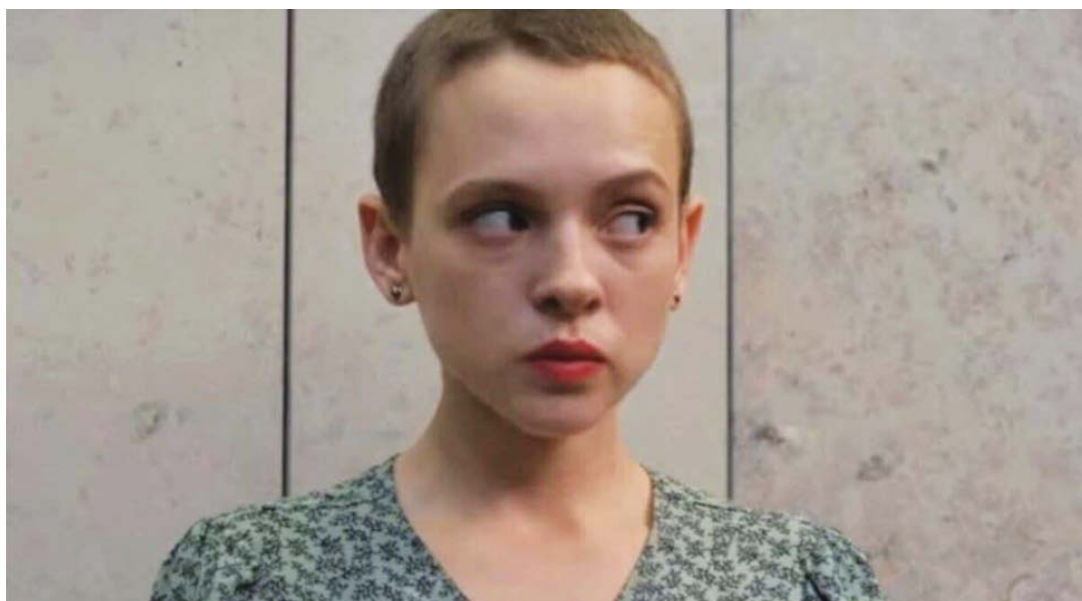
Интересно также подумать о роли Слова в хасидской общине. Видно, что речь там наделена исключительной функциональностью и не предназначена для выражения чувств. Она нужна, чтобы оповестить, доложить или пересказать.

Но может ли такая речь называться Словом? Речь узкая, чистая и герметичная. Ее чистота строго охраняется, туда не должны проникать неологизмы, не допустимы речевая игра и слова, передающие негативные эмоции: гнев, горечь, зависть.

*«Человек является частью языка,
который старше его и который продолжит
существовать и после того,
как время справится с его слугой».*
Б. Янгфельд

Все чувства, кроме правильных, в сообществе остаются в подполье или, по-другому, «в узкой чистой вагине Эсти», не высказанные, не смягченные, причиняющие исключительную боль и поэтому не позволяющие родиться ничему новому.

После пышной свадьбы, наполненной атмосферой стыда и неловкости, героиня не может радостно следовать завету плодиться и размножаться. Она испытывает боль и со временем узнает, что страдает вагинизмом. Двигаться дальше ей нестерпимо в прямом и переносном смысле.



И вот перед нами еще одно сообщение, требующее расшифровки. На уровне тела.

Отсутствующая с младенчества мать, пьяница-отец, косная община, скудная культура – кто поможет Эсти объяснить себя? Если же наполняющих коммуникаций не хватало в детстве, то как у нее в зрелом возрасте сформируется способность быть в контакте со своим телом, со своим умом? Не только травма поколений, но и ее персональная детская травма брошенности – вот причина того, что она не может полноценно перерабатывать эмоциональный опыт, справляться с телесными напряжениями, аффектами, импульсами и тревогами (*Bion, 1962*).

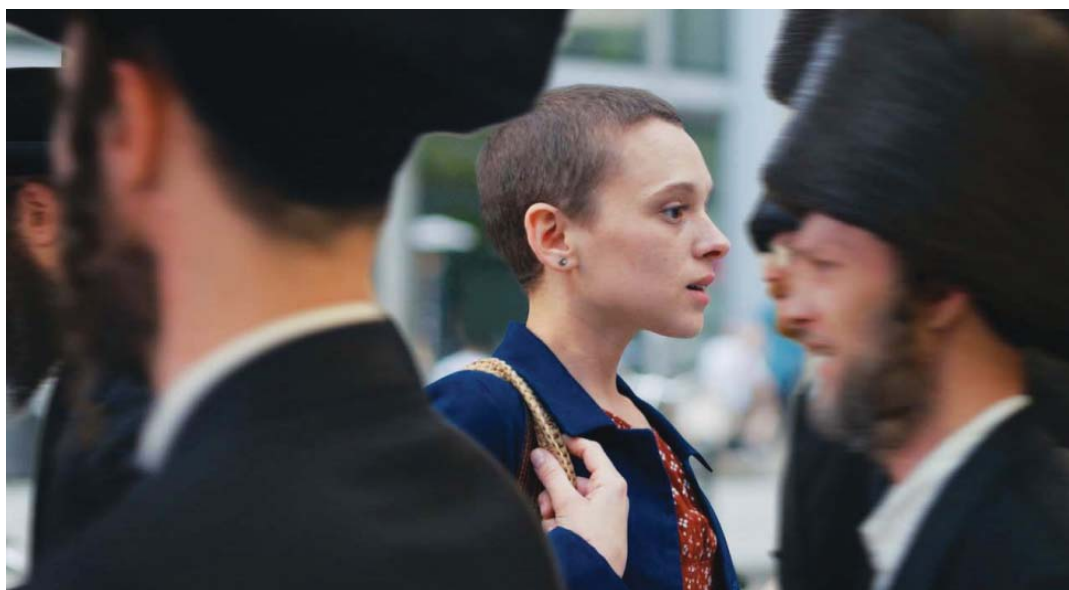
В психоаналитической ситуации обычно аналитик помогает восполнить эти пробелы и достроить недостающее. А Эсти нельзя к психоаналитику. Ей нельзя даже к светскому гинекологу. В общине, правда, есть свой, доморощенный, но ее приемы совсем не помогают героине.

Тот факт, что Эсти все же смогла зачать от насильственного болезненного контакта с мужем – жестокая метафора попытки маленького этноса сохраниться и заново родиться через боль. Но какой ценой? Может ли маленькая женщина выдержать такое напряжение и преобразовать всю эту боль в любовь, если она сама была лишена убаюкивающего слова?

В период общинного затворничества Эсти ощущает, что чем-то очень отличается от других женщин, однако никак не может назвать свои чувства. Нет обозначений, нет символов. Она решается сказать о том, что она не совсем обычная (что бы это ни значило) мужу Янки. Это акт большого доверия и надежды. Однако Янки такое же дитя общины, как и она сама, и мало чем может помочь ей.

В этой герметичной культуре, как мы видим, отсутствует возможность хоть как-то назвать переживания, отличные от общепринятых и правильных, почти нет шанса признать существование сложных, амбивалентных чувств.

Еще одна речевая смелость Эсти в фильме – она решается загадать свежескроу загадку: «Если вы ожидаете, что я буду относиться к вашему сыну



как к Королю, то поскольку я его жена – значит ли это, что я – Королева?» Но это максимум речевой игры, которую она может себе позволить.

Телесность, эмоциональность, голос, возможность играть смыслами – все это у нее отняли.

Какие песни лечат?

То Слово, которое предназначено для переосмысления и переутверждения человеком себя в этом мире, в общине сатмарских хасидов табуировано. Слово эмоциональное невыносимо, а разрешено только функциональное, используемое как навязчивое повторение.

Мужчины читают и пересказывают Тору и поют, как бы сейчас сказали, позитивистско-экзальтированные песни. Эти компульсивные напевы состоят из отдельных не связанных между собой слогов, и они – не нежная колыбельная, нет. Даже мантры или аффирмации звучали бы поживее. Женщинам петь вообще запрещено.

Так можно ли в таких условиях осмыслить пережитый травматический опыт? На уровне отдельной личности, на уровне группы?

Ведь травма – понятие, которое сообщает нам о том, что мы должны в культурном дискурсе или в народной песне чутко слушать то, что не передать словами, что-то довербальное... Нам нужно позволить себе удивляться, быть шокированными тем, что такой исторический опыт сложно или в принципе невозможно описать, поскольку внутри травматического безумия находится неартикулируемое событие, которое ищет способ быть выраженным (*F. Davoine, J-M. Gaudilliere, 2004*).

Гениальный психотерапевт и мыслитель У. Бион, который пережил войну и много работал с посттравматиками, говорил: «Мысль всегда ищет мыслителя». Рядом должен быть тот, кто уже умеет воспринять, кто может слышать странную песню бессознательного.

В одном из флешбеков, которыми наполнена берлинская часть истории Эсти, мы видим, как она застаёт бабушку за тем, что та украдкой поет



еврейскую песню и плачет о погибших. Вначале Эсти строго осуждает бабби за пение, но не этот ли случай потом помогает героине решиться на нарушение запретов, чтобы начать тайком брать уроки фортепиано у учительницы нехасидки?

И уже в Берлине в один из дней мы видим, что Эсти очарована песней. Она заслушивается хоровым пением в католическом костеле... Может ли быть так, что в этом пении ее чуткое ухо уловило что-то очень похожее на песню бабушки?

Вероятно. Поэтому на прослушивании Эсти не будет играть на фортепиано, как собиралась. Она будет петь. Именно голос станет ее главным инструментом и проберет зрителя до дрожи, когда она чувственно и глубоко исполнит песню своего народа, одетая в платье, что подарила ей мать.

В финале четвертой серии мы удивимся тому контрасту между Эсти, что выходит из берлинского аэропорта, где рядом с ней шумно и эмоционально обнимаются мать и сын, тогда как она выглядит зажатой и скованной, и той Эсти, что поет со сцены свою песню.

Лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг... возвращайся, сделав круг

Современный человек может свободно выражать себя и свои чувства на разных офлайн (на самоизоляции пока только онлайн) площадках, просто надо знать «нотную грамоту». Отчасти поэтому немного странно сейчас вспоминать, что когда-то это право нужно было отвоевывать. Тем более диким кажется, что кому-то, как Эсти, приходится делать это и сегодня. Но карантин и новые правила выживания напоминают об этом, как и сериал «Неортодоксальная».

Часто новое – лишь хорошо забытое старое... Раньше ультраортодоксальный Берлин, целью которого было сохранить чистоту арийской нации, теперь столица творческого самовыражения людей со всего мира, а в центре прогрессивного Нью-Йорка находится ультраортодоксальное еврейское сообщество...

Но и свобода писать и говорить в современном мире тоже в какой-то момент стала чем-то непреложным, а значит уже в какой-то мере «правильным», превратилась в новый канон, который в очередной раз поставлен под сомнение инфодемией 2020 года.

Новые давно забытые каноны... Неудобные (или удобные?) джинсы-скини вместо широкой юбки, серьга в ухе вместо никаба и флуоресцентный штамп-пропуск в дэнс-клуб вместо запретов Шаббата... Все это странные символы, которым мы придаем то или иное значение. Они в один момент могут стать основой новой ортодоксальности, когда задача выживания стоит на первом месте (Еремин, 2015).

Да и сама речь, Слово, к сожалению, могут использоваться не с целью развития, а с целью сохранения старого, чтобы закапсулироваться, забаррикадироваться в различных психических бункерах и убежищах (*Bion, 1957, Steiner, 1993*).

«Разница между героем на войне и дезертиром заключается в том, в какую сторону он бежит, когда пугается».

У. Бион

Культура снабжает нас схемами воспитания, выживания, поведенческими кодами, языком и многим другим. Как писал Фрейд (1921): «Каждый индивид является составляющим элементом больших масс и – через идентификацию – субъектом многосторонних связей...» Так как? Эсти обретает себя через этап путешествия или находит лишь новую «правильную» общину, просто расположенную в другом месте? Не станет ли Берлин ее новым психическим убежищем?

Как нам понять, когда мы из неортодоксальных и открытых превращаемся в закоренелых ортодоксов? Есть ли у нас способ это распознавать или мы по-прежнему находимся в удушающем обществе Сфинкс, будто стоим у доски, не выучив урок: *«Скажи мне, кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырех ногах, тогда меньше у него сил и медленнее двигается он, чем в другое время?»*

Все мы знаем ответ и историю Эдипа, – но каким будет ответ Эсти? Вспомните ее загадку про Королеву, которую она загадала своей свекрови. Вопрос ли это Эдипова комплекса, как его понимает классический психоанализ, или какого-то другого?

«Поразительно, но женский Эдипов комплекс завершается не так, как мужской, – писала Жанин Шассге-Смиржель, – у женщины есть *тенденция к увековечиванию Эдиповой ситуации* <...> Но однажды женщина все же склоняется к выбору в пользу того, чтобы принадлежать мужчине, быть созданной для него, а не быть самоцелью; быть частью, "ребром Адама",



а не увековечивать свою верность и привязанность к матери. Мы, и мужчины и женщины, рождены женщиной <...> И миф о Происхождении, на наш взгляд, передает как раз наше общее желание освободиться от нее» (*Chasseguet-Smirgel J., 1964*).

Ответ же на загадку ортодоксальности/неортодоксальности – он, по-видимому, в движении. *Никто из всех существ на земле не изменяется так, как он [человек]*, – такие там есть слова.

Загадка Сфинкс в современном мире – уже не загадка о том, кто такой человек. Это загадка о том, как оставаться человеком, пребывать им. И это возможно только благодаря изменению, психологическому движению и экзистенциальному путешествию, которое предпринимает каждый отдельный человек в своей жизни и все человечество в истории.

Это возможно благодаря путешествию не в том значении, которое, по Тулию, кончается возвращением, а в том, которое к середине «Улисса» познал Джойс, тому одностороннему движению, которое знакомо Бродскому, и которое уносит человека «от» и за границу пространства, тому необратимому ходу, который первым в истории литературы обозначил Вергилий: «Его герой никогда не возвращается; он всегда уезжает» (*Янгфельд, 2012*).

Печальные и красивые слова об этом есть у Бродского: «Возвращение делается невозможным не только из-за скверной политической системы, а по другим, более глубоким психологическим причинам. Просто человек двигается только в одну сторону. И только – от. От места, от той мысли, что пришла ему в голову, от самого себя <...> и это всегда покидание того, что уже испытано <...> Все большее удаление от источника, от вчерашнего дня <...>» (*Янгфельд, 2012*). Пребывая в тревоге неопределенности, без памяти, без желания, человек идет навстречу новому (*Bion, 1962*).

В заключение можно сказать, что все вышеперечисленное делает сериал «Неортодоксальная» емким контейнером, по Биону. В мире современной культуры – это событие, вмещающее множество смыслов, трансформаций. Данная киноработа придает значение и называет самые разные



чувства, обозначает парадоксальность нашего опыта переживаний, страхов, желаний, систем обозначения и напоминает о важности оставаться открытыми для продолжения путешествия, исследования, игры, жизни.

Карантин и самоизоляция закончатся, у нашего ежедневного сериала будет продолжение. Мини-сериал «Неортодоксальная» тоже подрастет, у него будет новый сезон, и, возможно, он будет уже об истории молодой пары.

Беги, Эсти, беги, маленький кролик... Лети, планета Земля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Д.* Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
2. *Еремин Б.* Фашистское состояние мышления – психоаналитическая перспектива. М.: Избранные труды ЕСРР «По ту сторону принципа удовольствия», 2015.
3. *Еремин Б.* Семинары «Мышление Биона», 2017–2019.
4. *Карут К.* Архив, событие и историческая травма, 2015.
5. *Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2014.
6. *Маццакане Ф.* Семинары «Игра Бессознательных», 2020.
7. *Маццакане Ф.* В аналитической игре. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
8. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: Либроком, 2013.
9. *Ферро А.* Психоанализ: создание историй. М.: Независимая фирма «Класс», 2006.
10. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия (1920) // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: ООО Фирма СТД (Учебное издание, Т3).
11. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я» (1921); Фрейд З. «Я» и «ОНО». Труды разных лет. Книга 1 – Тбилиси: Мерани, 1991, с. 71–138.
12. *Фрейд З.* Навязчивость, паранойя и перверсия // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Том 7». М.: Фирма СТД, 2006. 308 с.
13. *Эко У.* Сказать то же самое, но другими словами. М.: АСТ, 2015.
14. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. Alexandria, 2007.
15. *Янгфельдт Б.* Язык есть Бог. Corpus, 2012.
16. *Bion W.* (1957) Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities // The international journal of psycho-analysis. Vol. 38. P. 266–275.
17. *Bion W.* (1962) Learning from Experience, London.
18. *Bollas C.* (1993) The fascist state of mind, in Being a Character, London: Routledge.
19. *Chasseguet-Smirgel J.* (1964) La culpabilite feminine (De certains aspects specifiques de l'Edipe feminin). In: Recherches psychanalytiques nouvelles sur la sexualite feminine, Payot, Paris. HP. 129–180.
20. *Davoine F., Gaudilliere J-M.* (2004) History Beyond Trauma, London: Other Press.

21. *Lopez-Corvo R.* (1997) *God is a Woman* – Janson Aronson Inc, Northvale-NY-London.
22. *Steiner J.* (1993) *Psychic Retreats: Pathological Organisations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients.* Routledge.

Where you going, Esty? Psychoanalytic reflection on the mini-series "Unorthodox"

S.V. Belukhina

Svetlana Vasil'evna Belukhina – Master of Psychology (HSE), Psychoanalytically-oriented psychotherapist (ECP), Organizational consultant, Certified member of the APCBC. Author: <http://headology.ru>; co-author: <http://cultcompany.ru>.

This paper is an art-psychoanalytic study of the mini-series Unortodox / "Unorthodox", which released on Netflix in March 2020. It is the story of a young woman who was brought up in the isolated Hasidic ultra-orthodox community and ran away in order to find a way to express yourself creatively in modern world. We put this story in the context of today's social events: the self-isolation undertaken by people around the world for the purpose of survival under the threat of COVID-19. In a context where people use ritual as a way to deal with anxiety and fear of vanishing. The article implements a brief psychoanalytic analysis, identifying some key areas that can be developed and refined in order to enhance the creative thinking of the participants in the psychoanalytic process.

Keywords: obsessive-compulsive behavior, rituals, hermetic communities, orthodoxy, genocide of Jews, fear of annihilation, merging, psychic retreats, sexual use, attacks on linking, female oedipal complex, sphinx, creativity, holding, the development of thinking, symbolic parent, early communications, parent couple, speech play, speech, word, singing, bionian theory of thinking.